

ДЕНЬ и НОЧЬ

литературный журнал для семейного чтения

№ 4 **2010**

Художник Василий Елесин

Уроженец Красноярского края, выросший в живописных местах Горной Шории и получивший художественное образование в Ташкенте, В. А. Елесин прошёл сложный путь творческого становления. Он не мыслит себя без путешествий, без общения с природой и людьми, вне служения искусству. В г. Мыски Кемеровской области, где живёт художник, он открыл «Народную картинную галерею» — «Елесинку», место встреч творческой интеллигенции.

Андрей Дёмкин Васька

144

Андрей Дёмкин
Васька

Васька жил на первом этаже клиники госпитальной хирургии, что на Боткинской улице, той самой, что была основана знаменитым хирургом Пироговым ещё в 1841 году. В память об основателе клиники на втором этаже имелась его крашенная в яркую бронзу гипсовая статуя, а за спиной статуи, в аудитории с лёгким ажурным амфитеатром скамей, на стене висели настоящие литографические камни, на которых были гравированы изображения из анатомического атласа, составленного Пироговым.

Впрочем, в аудиторию Васька заходил редко, хотя в неё прямо из курсантского гардероба на первом этаже вела отдельная лестница. Но, в самом деле, что может быть интересно коту в холодной — с метлахской плиткой на полу и железными переплётами скамеек — аудитории? Да, Васька был именно котом. Обычным, впрочем, немного крупнее обычного, рыжим полосатым котом с разорванным в какой-то битве левым ухом. Первый этаж и подвал клиники для Васьки были намного интереснее. Вероятно, ещё и потому, что контракт, безмолвно заключённый между начальником клиники и Васькой, содержал пункт о том, что Ваське дозволялось отлавливать серых хвостатых зверьков в подвале и, вдобавок, иметь гарантированную площадку остатков еды из кухни на первом этаже. Ваське запрещалось показываться на людях в дневное время и строго-настрого воспрещалось, даже ночью, подниматься на второй этаж клиники. Новый начальник принял Ваську вместе с клиникой от предыдущего начальника. А тот и сам уже не мог сказать, когда именно здесь появился кот.

Васька иногда мог поиграть с очередным солдатиком из больных, оставленным в клинике в добровольное «рабство», что всяко было для солдатика приятнее, чем несение повседневной службы в части. Солдатику дозволялось аккуратно почёсывать Ваську между ушей и, если настроение у кота было благодушным, то и по спинке носа, которым Васька поддевал солдатскую руку, требуя продолжения ласки. Кое-кто мог попытаться быть фамильярным с ним и пытаться, следуя словам известной песни, запустить руку куда не следовало, например, в «меховой живот». Но Васька никогда не цапал и не кусал обидчиков. Он, вырываясь из плена, смотрел на солдатика долгим и протяжным взглядом и уходил. Больше к нему он никогда не подходил, и солдат вынужден был нести свою ночную службу, не скрашенную тихим раскатистым мурчанием кота. Впрочем, все знали, что кот фамильярности не выносит,

и старались быть с ним настолько уважительно на равных, насколько это может быть в отношениях человека с котом.

Однажды, после ночной вахты, у одного из новых солдатиков под глазом было обнаружено изрядное красное пятно, вскоре зацветшее всеми положенными цветами «синяка». Вначале все подумали о том, что ночью «молодого» пытались поучить солдатики-«старожилы» клиники, но оперативно проведённое расследование показало, что они были не причём. Что, впрочем, было и не удивительно — кто же хотел нарушать дисциплину, чтобы досрочно вернуться из госпитального «курорта» в свою часть? Сам же солдатик долго и упорно молчал о причине появления синяка под глазом, но впоследствии он признался в том, что произошло. Потом, в течение месяца или двух, ординаторы со смехом пересказывали в лицах сцену, когда стоя перед ответственным офицером солдатик наконец признался:

— А меня кот ударил!

— Как, кот — он бы тебе глаз выцарапал?

— А он без когтей, я держал его на руках, а он ка-а-а как размахнётся, д-а-а как ударит кулаком...

— Постой, кто — кулаком? Кот — кулаком?

— Ну да — кот! Он ка-а-к размахнётся...

О том, за что его ударил Васька, солдатик так и не рассказал.

Больные покидали клинику по-разному. Кому-то выпадала счастливая доля уходить после лечения и больше никогда не возвращаться, кто-то был вынужден становиться частым гостем, чтоб продлить годы или месяцы жизни, а кто-то покидал клинику вместе и со всем белым светом навсегда. Васька, обитавший на первом этаже, знал, что таких тёплых, как они, вывозили на каталке через старую заднюю дверь, во двор, где их грузили в машину, почти такую же, как и ту, на которой привозили больных в клинику, только гораздо более тёмного цвета — как старая пожухлая трава осенью в старинном парке через дорогу, куда пробраться можно было только ночью, когда по дороге, разделявшей парк и клинику, переставали проноситься машины.

Виноградов теперь был частым гостем в клинике. Операция за операцией лишь оттягивали приближение последней черты, но все: и врачи, и сам Виноградов, — продолжали бороться за его жизнь. Врачи — потому что таково призвание этих людей — выступать ходатаями перед высшими силами за жизнь человека, выполняя свои сложные

многодневные ритуалы. Сам Виноградов боролся за жизнь, потому что научился радоваться каждому новому свету дня, порции пресной каши или просто успешному походу в туалет. Всего несколько лет назад он думал, что такие простые радости не стоят его внимания, что настоящая радость может быть только результатом чего-то по-настоящему большого, а обычные дни лишь пролистываются, не оставаясь в памяти, как когда-то в детстве, когда дни вели счёт разграфлёнными страничками дневника. Эти графы с записями домашних заданий, отметками были чем-то настоящим. Настоящим был лишь день полной, своей собственной жизни, который остался за пределами строчек — в дневнике в каждой неделе было лишь шесть дней.

Почти бесконечным праздником были каникулы, особенно летние. Казалось, что жизнь в деревне, за городом, и есть та самая настоящая жизнь. Жизнь со свежим утренним воздухом, пением птиц, запахом дерева, разогретого солнцем, шелестом листвы на ветру. Жизнь со взглядами вдаль, когда ты можешь перебираться взором от крышки старой часовенки к пышным шапкам сосен за речкой и далее по полоскам полей, вплоть до горизонта, пройдя который, можно было начать наслаждаться постоянной игрой рвущихся ветром облаков. Можно было лечь на спину и смотреть, смотреть, выпитывать в себя и пронзительную лазурь высокого летнего неба и ослепительную белизну облаков.

Пролетело школьное время, казавшееся тогда столетием. Прошло время военного училища, когда жизнь текла лишь в увольнениях и во время отпусков, а после наступило время службы. Всё время казалось, что настоящая жизнь вот-вот должна наступить: или после женитьбы и рождения сына, или после получения второго просвета на погонах, или после защиты диссертации и назначения на преподавательскую должность в училище. Однако любое новое достижение вскоре — через месяц, два или через год — всё равно становилось для Виноградова обыденностью.

Однажды, уже уволившись в запас на шестом десятке, Виноградов с удивлением понял, что из всей прошедшей жизни его память удивительным образом согревает лишь совсем незначительные моменты. Это были такие мимолётные ощущения, как тепло от серого в мелкую белую крапинку валуна, разогретого солнцем, на который удалось прилечь после марш-броска, или вкус лесной земляники, которую надо было вложить в лиловый цветок колокольчика и так и съесть.

Было и множество других приятных мелочей, при воспоминании о которых по телу разливалось тепло и становилось легко на душе. Другие же «настоящие» большие воспоминания — как ни странно были совершенно холодными, такими, как например, чьи-то чужие воспоминания, прочитанные в книге. Как странно всё изменилось с годами...

Теперь же взгляду Виноградова был доступен лишь побелённый извёсткой потолок в палате,

с разбегающимися в разные стороны, как русла рек на карте местности, трещинками, да край окна, где можно было, если повезёт в хмурую петербургскую погоду, увидеть яркий кусочек неба. Опускать глаза ниже совсем не хотелось. Реальность мира ниже напоминала Виноградову о том, что поезд его жизни, говоря языком военного железнодорожника, уже вскоре прибудет на свою конечную станцию, где состав, скорее всего, будет полностью расформирован.

Большую часть времени, если краешек неба в окне был сер от облачной мглы, Виноградов лежал с закрытыми глазами. Так, если смотреть сквозь опущенные веки на лампочку, можно было рассматривать движения маленьких тёмных точек, на красном фоне век — небольшое, а всё же развлечение. Сил смотреть телевизор или слушать радио уже не было. Каждый посторонний звук, каждое новое движение вокруг вызывало странный особый вид боли — не ту, что ощущаешь в теле и к которой уже привык — а где-то глубоко внутри головы.

Однажды Виноградов проснулся среди ночи от нового странного звука. Точнее, это был даже не звук, а что-то среднее между звуком и глубокой низкой вибрацией, которая была ощутима всем телом. Виноградов не спешил открывать глаза. Когда почти все его чувства выбрались из-под глухой пелены сна, он ощутил ещё и какую-то тяжесть в области груди. Точнее даже не в груди, а на груди. Что-то увесистое прижимало его грудную клетку сверху и при этом очень приятно вибрировало. Виноградов решил открыть глаза. В палате никогда не было темно ночью. В осеннее и зимнее время её освещали снаружи уличные фонари, а в весеннее или летнее время — акварельные краски светлых ночей. Открыв глаза, Виноградов увидел прямо перед собой два выпуклых больших блестящих глаза. Вслед за глазами из пелены сна постепенно проступили очертания широкой морды с пышными усами и округлыми ушками, одно из которых просвечивало насквозь острым треугольным клинышком — словно метка на ухе у породистой коровы. Так и есть — на груди Виноградова лежал, аккуратно подобрав под себя лапки, большой рыжий кот с зелёными глазами. Увидев, что Виноградов открыл глаза, кот прикрыл свои, но не до конца — а так, чтобы от них остались две раскосые щёлочки, и продолжил мурчать как ни в чём не бывало. Хотя Виноградов и был уже достаточно слаб, но тяжесть кога не показалась ему обременительной, а даже наоборот, приятной. Такой приятной, как это бывало в детстве, когда тебя накрывали тяжёлым стёганым одеялом, и ты умиротворённо проваливался в сон под его ватной тяжестью. Кот спокойно возлежал на редких невысоких волнах дыхания Виноградова и словно не обращал на него никакого внимания. Тяжесть и тепло от тельца кога были совершенно новым приятным ощущением. И уж тем более новым ощущением были глубокие вибрации мурчания. Они были настолько сильны, что вскоре поглотили все чувства Виноградова. Вскоре он, следуя

их ритму, забылся глубоким сном, больше не просыпаясь до самого утра, что было в последнее время совсем необычным делом. С утра Виноградов почувствовал в теле непривычную лёгкость, почти как раньше, когда он был ещё здоров и ночной сон приносил желанное полное обновление.

Через пару ночей дежурная сестра заметила, что Васька по ночам поднимается на второй этаж и спит на груди у больного Виноградова. Несколько дней ночные походы Васьки оставались неизвестными для врачей. Но однажды дежурный врач, заглянув ночью в палату, увидел кота на груди у больного. Врач хотел было снять кота, но рыжий зверёк словно прирос к телу Виноградова — такой неподъёмной тяжестью он показался для врача. Начальник отделения, которому было доложено о ночном визитёре, рассудил, что в данной ситуации, учитывая жизненный прогноз Виноградова, не стоит препятствовать визитам кота, тем более что кот посещает его только ночью — и то на непродолжительное время и, по словам врача, положительно влияет на эмоциональный настрой больного.

Интересно, почему кот выбрал его в друзья? Виноградов задумался. Он никогда не увлекался кошками. В детстве ему всегда больше хотелось завести собаку, которой, впрочем, у него так никогда и не было. Кошки — они всегда представлялись либо живыми мягкими игрушками для девочек, либо абсолютно недоступными для общения самостоятельными существами, живущими рядом с человеком своей особой параллельной жизнью.

Чем же он угодил этому коту? Всё, что он мог дать ему — лишь немного почесать его за ухом или под челюстью да погладить по голове. Ясно, что такие ласки кот мог получить от кого угодно, если он вообще нуждался в них. Общение? Трудно было назвать это общением. Было видно, что кот всё время остаётся сам по себе, что мысли его находятся где-то глубоко внутри или, скорее всего, где-то совсем далеко. Даже в те ночи, когда мучительные спазмы сжимали живот изнутри, и кот, словно чувствуя боль Виноградова издалека, прибегал и устраивался делать массаж передними лапами через тонкое одеяло, отчего его когти слегка касались кожи живота, невозможно было сказать, что невидимая дистанция между ним и котом исчезала. Нет, всё так же кот был совершенно отстранён, и даже иногда мог оттолкнуть его руку когтистой лапой, когда Виноградов пытался его погладить.

Но однажды в их отношениях что-то изменилось. В то утро, когда Виноградов открыл глаза, он впервые увидел своего кота при свете дня. Кот лежал на его груди, и, казалось, не думал уходить. Когда он увидел, что человек открыл глаза, кот отрывисто муркнул, и, потянувшись головой к лицу Виноградова, старательно его обнюхал. Виноградов погладил кота по голове. Кот довольно заурачал, привстав, стал сильно тереться мордой о лицо человека. После он встал, сложился дугой, потянулся, затем размял одну заднюю лапу, потом другую и, тяжело ступая по одеялу, перешёл в ноги больного, где и устроился, подобрал под себя лапы.

— Ну, ты и наглец, Васька, — изумилась постовая сестра, зайдя в палату, — А ну брысь отсюда! Вот врач увидит — тебе задаст, да и мне тоже, — она подтолкнула кота с кровати. Васька от толчка спрыгнул с кровати, но не ушёл, а забрался в дальний угол, под тумбочку. Но, как только сестра ушла, кот выбрался из своего укрытия, забрался на грудь Виноградова и стал довольно урчать.

Позже пришёл врач, посмотрел на больного, покачал головой, глядя на кота, но стонять его не стал.

Виноградов опустил кисть руки на спину животному. Ладонь и пальцы погрузились в густой, очень приятный на ощупь шелковистый мех. Он стал тихонько, лишь одним указательным пальцем поглаживать кота вдоль спины. Кот довольно замурчал, а после неожиданно повернулся на бок, и, обхватив руку Виноградова передними лапами, стал её тихонько покусывать. Больно не было. Когтей кот не выпускал, лишь прижимая кожу руки мягкими тёплыми подушечками своих лап. Вдоволь наигравшись с рукой, кот развернулся спиной к больному и стал пошевеливать хвостом, так что кончик пушистого хвоста задевал Виноградову кончик носа. Неожиданно в его памяти всплыло размытое воспоминание из далёкого-далёкого детства, когда мать играла с ним, лежащим в кровати, щекоча кончик носа, щёки и ушки чем-то пушистым, похожим на меховую кисточку.

От этого воспоминания стало очень тепло и хорошо на душе. Перед глазами стали проходить другие сцены из жизни, которые становились всё ярче и явнее, как будто Виноградов и в самом деле переживал их заново. Что-то было особенно приятное, за кое-что другое становилось невыносимо стыдно. Вспомнив несколько особенно трогательных моментов, Виноградов почувствовал, что из углов его глаз потекли вниз маленькие капельки влаги, щекоча сухую кожу на скулах. Через мгновение он ощутил, что плотный шершавый язычок старательно вылизывает его слёзы. Виноградов сделал над собой усилие, поднял обе руки и прижал к себе кота — сильно-сильно, насколько позволяли его ослабевшие руки, как в детстве ребёнок прижимается к матери или к любимой мягкой игрушке, чтобы выразить всю глубину охвативших его чувств.

Кот вылежал некоторое время в объятиях, а после, пятясь назад, выбрался из тесных объятий и спрыгнул с кровати на пол.

— Ну вот, ушёл мой дружок, — только и успел подумать Виноградов, прежде чем ощутил, что кто-то стягивает с него одеяло. Он повернул голову. Кот встал на задние лапы и, выпустив когти, зацепив край пододеяльника, тянул его на себя. Потом он запустил лапу под одеяло и стал, мяукая, поддевать ногу старика когтями, словно выцарапывая его из-под одеяла.

— Ты что, дурашек, хочешь, чтобы я встал? — спросил Виноградов у кота. — Слаб я уже, иди, гуляй сам.

Однако кот продолжал мяукать, то возвращаясь к постели больного, то отходя в сторону двери и оглядываясь, словно проверяя, идёт ли человек за ним. Неожиданно старик ощутил, что привычная тяжесть и ватность тела стала исчезать.

Он осторожно поднял одну руку перед собой, ещё выше — Ого! — получилось! Поднял вторую руку — обе руки взмыли над головой, как раньше, когда он в молодости потягивался с утра в кровати. Виноградов подтянул к себе ноги и неожиданно понял, что может самостоятельно присесть в кровати. — Это было так здорово! Он ошупал себя руками — казалось, что мышцы вновь обрели прежнюю силу, конечно, не такую, как в молодости, но, кажется, вполне достаточную для того, чтобы спустить ноги с кровати. Виноградов осторожно, помогая себе руками, спустил одну ногу вниз, затем вторую.

Кот, довольно урча, тут же подошёл к нему и стал тереться о его ноги, захватывая их крючком своего вытянутого вверх хвоста. Было видно, что он радуется успехам своего друга.

— Ты думаешь, я смогу встать? — обратился Виноградов к Ваське, хотя и сам уже был уверен, что сможет не только встать, но и даже пройти — как минимум до двери в палате, а там уж — как повезёт.

Кот вновь направился к двери, оглядываясь на человека. Старик опустил ноги в тапочки, которые уже давно стояли без дела под кроватью, и встал на ноги. Стою! И смогу идти! — Он был уверен в этом. Надо одеться... Он взял с вешалки госпитальный халат, накинул его на себя и подпоясался кушаком. Вперёд! Виноградов осторожно сделал несколько шагов к двери. Его не шатало, и ноги слушались его вполне уверенно. А о болях в животе он уже и думать забыл.

Маленькими шажками он подошёл к двери, осторожно приоткрыл её. Кот сразу выскользнул наружу. За дверью текла обычная госпитальная жизнь: сестра беседовала с врачом у поста; сновали туда-сюда курсанты; кого-то везли на процедуры в кресле-каталке.

«Как здорово!» — подумалось Виноградову, — «Я могу ходить! Представляете, ходить! Сам!». Он открыл дверь и сделал шаг в коридор клиники. Потом другой, третий — а после считать шаги уже не было смысла, он смог уверенно шагать по коридору. Боже, какая это радость! Какое тихое наслаждение — ходить! Так может быть... Может, и в туалет удастся сходить, как раньше?

Однако в туалет он не пошёл, хотя и был уверен, что всё у него получится естественным образом. Кот вновь потёрся о его ноги и пошёл вперёд — мимо поста — к центральному вестибюлю клиники, всё время оглядываясь, проверяя, идёт ли человек за ним. Виноградов нерешительно шагнул вслед за ним — всё-таки впереди пост — что скажет сестра? Но, как ни странно, сестра взглянула на него совершенно равнодушно, так, словно он не был уже почти месяц лежачим больным, а был обычным ходячим, гуляющим себе преспокойно по коридору. Может быть, взглянула она даже излишне равнодушно — как бы сквозь него. Но какая тебе разница, если ты можешь вновь ходить сам, как на тебя смотрит постовая сестра.

Толкнув стеклянную дверь в вестибюль, где стоял крашенный бронзовой краской памятник, Виноградов пропустил вперёд кота. Тот, гордо задрав хвост, прошептал вперёд и свернул налево,

мимо кабинета помощника начальника клиники к лестнице, ведущий вниз на первый этаж.

Удастся или нет спуститься вниз по лестнице, Виноградов уже не сомневался. Для страховки он, правда, придерживался за широченные перила парадной лестницы. Внизу, в центральном вестибюле кот, встав на задние лапы, стал старательно царапать дубовую дверь тамбура, ведущего к двери на улицу.

Это уже было слишком! Больным выход на улицу был строго-настроено запрещён. Виноградов подошёл к двери и взял кота на руки. Кот замурчал ещё в воздухе, пока старик поднимал его на вытянутых руках. Когда Васька устроился на плече, Виноградов хотел было повернуться и отнести его обратно. Однако... что значит для человека, пролежавшего месяц в палате, выйти на свежий воздух, на улицу, тем более, что там, за стенами уже, кажется, наступила весна. Виноградов огляделся по сторонам. Никто на него не смотрел. Бабка-гардеробщица, судя по звукам, смотрела телевизор в своём закутке, а на бельведере второго этажа никого видно не было. Эх, была не была! Старик потянул ручку двери на себя, и массивная дверь поддалась его усилиям. Он открыл и входную дверь, и вышел на улицу. Кот, сидя на руках, стал усиленно втягивать носом воздух. Действительно, после больничных запахов было к чему принюхаться: весна уже вступила в свои права, и молодая зелень дарила городу пьянящий радостный аромат. Особенно хороши были огромные старые липы в парке через дорогу. А, семь бед — один ответ! Подобрав полы халата, Виноградов крепче прижал к себе кота, дождался, когда поток машин на Боткинской улице спадёт, и быстрым, насколько это возможно, шагом перешёл улицу. По счастью, калитка в парк была открыта. Виноградов проскользнул в неё, прошёл мимо будки с собакой, которая не преминула обдаться их с котом залившимся лаем. Васька, впрочем, даже ухом не повёл. Пройдя немного вперёд, Виноградов опустил кота на свежую траву газона. Кот деловито обнюхал все травинки в округе и стал грызть какой-то стебелёк.

Виноградов поднял голову. Как он соскучился по этому вечному виду: огромная масса свежей листвы, шумящая под лёгким весенним ветерком, и высокое чистое голубое небо. Как же мало надо для настоящего счастья!

Они пошли вдоль главной аллеи парка. Слева, в небольшом пруду бил фонтан, справа, в глубине парка виднелся старинный бронзовый памятник. Навстречу то и дело попадались спешащие курсанты и степенно шествующие военные врачи. Казалось, никто не был удивлён видом гуляющего больного с котом. В самом деле, если человек может выгуливать свою собаку, то почему бы ему не выгулять своего кота.

Виноградов никогда не был в этих местах. Там — за парком — должны были быть ещё клиники академии, а за ними — набережная Невы. Ему нестерпимо захотелось посмотреть на большую воду. Кот по-прежнему шёл с ним рядом, как собака на прогулке. Вот Васька! Поплутав немного

во дворах клиник, Виноградов обнаружил, что выйти на набережную можно, лишь пройдя одну из клиник насквозь, мимо приёмного отделения. Он поднял кота с земли, распахнул халат и спрятал его у себя за пазухой. Поднявшись на несколько ступенек вверх, он быстро прошёл через вестибюль клиники и, спустившись по широкой мраморной лестнице, распахнул дубовые двери и оказался на набережной.

Он ожидал увидеть поток машин на набережной, тянущийся от Литейного моста к гостинице «Санкт Петербург», но к своему удивлению не обнаружил ни моста, ни самой гранитной набережной, ни тем более машин. Погода также сменилась — небо заволочло тучами, и поднялся ветер. К удивлению старика, вместо набережной, вдоль всей клиники шёл длинный бревенчатый пирс, у которого чуть поодаль стоял небольшой парусник. На том месте, где должна была быть гостиница, шумели невские волны. Не было видно ни крейсера Авроры, ни Нахимовского училища, ни купола Исаакиевского собора. Только шпиль Петропавловской крепости одиноко вздымался вдали.

— Что, милой, заплутал? — впервые за всё время его приключения с котом кто-то обратился к Виноградову. Внизу, из-за края пирса выглядывал мужичок и улыбался, глядя на него. Виноградов подошёл к краю. На воде, в небольшой лодке стоял осанистый мужичок в одежде, похожей на больничный халат Виноградова, но почему-то в лаптях.

— Что, милой, заплутал? — ещё раз повторил мужичок — Так ты не пужайся, спускайся ко мне — я тебя на тот берег перевезу. Мне уж не впервой — сколько при морской гошпитале при перевозе служу.

— Да зачем мне на тот берег-то? — спросил его Виноградов. — Да и не один я — а с котом. Вот он у меня.

Виноградов почему-то подумал, что очень важно показать мужичку в лодке кота. Он распахнул ворот и выпустил зверя на бревенчатый помост. Васька вначале изогнул спину, потянулся, размявшись, и вдруг, взурчав, прыгнул прямо в лодку. Мужичок погладил кота.

— Вот, видишь, кот твой уже здесь, так и ты давай не зевай — спускайся, а я тебе руку подам.

Да уж, каким бы странным ни было всё происходящее, сегодняшний день показал, что интуиции кота определённо можно было доверять.

С помощью мужичка Виноградов устроился в лодке на корме. Кот расположился рядом. Старик положил на кота сверху руку — на Неве волнение — как бы не улетел кот за борт.

Кто бы мог подумать, что с воды Нева покажется такой широкой. Мужичок всё грёб и грёб, пересекая реку наискосок — таким сильным было течение. Ближе к тому берегу лодка попала в туман. Туман был такой густой, что «морская гошпиталь» совершенно скрылась из виду.

— Ну вот, теперь уже скоро, — произнёс мужичок, которому, видно, были известны одному ему ведомые приметы. И действительно, туман вскоре расступился, и совсем неподалёку показался залитый солнцем берег. Удивительно, как быстро меняется на Неве погода. Впрочем, приглядевшись, Виноградов понял, что тот берег принадлежит вовсе не Неве. Это был берег той старой реки из детства, где на небольшом косогоре стоял дом его бабушки, где он проводил самые счастливые месяцы в детстве. Кот приподнялся, спрыгнул на дно лодки и, проскочив под ногами гребца, устроился на носу.

— А ну, приглядишься, милой, — произнёс мужичок, не оборачиваясь. — Поди, уже встречают тебя.

Уже не задумываясь о том, как мужичок мог об этом знать, Виноградов привстал и приложил руку ко лбу, закрывая глаза от яркого солнечного света. Его сердце забилось часто-часто: с берега приветственно махала рукой его любимая бабушка, рядом стоял улыбающийся дед и ещё много-много людей, которых Виноградов не смог бы назвать по именам, но определённо знал, что это были не чужие ему люди...

На отделении, где лежал Виноградов, было непривычно тихо. Дверь в его палату была открыта. Около койки Виноградова стояли его лечащий врач и начальник отделения и ординаторы, а сёстры сгрудились у двери.

Врач аккуратно отвёл в сторону одну ещё мягкую руку Виноградова, затем другую, и осторожно приподнял с его груди безвольно обмякшее рыжее пушистое тельце. Он поднёс мордочку кота к уху, словно ещё раз хотел проверить, не будет ли слышно дыхание. Обернувшись, он секунду-другую помедлил, не зная, что делать дальше. Затем решительно шагнул ко второй, свободной койке в палате и, уложив Ваську поверх одеяла, накрыл его белым вафельным полотенцем.